

ДУХОВНА ОСВІТА

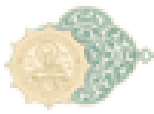
Архиепископ ИЛАРИОН
(Алфеев)

Духовное образование на христианском Востоке

Сегодня много говорят о реформе духовного образования. Но необходимо сказать, что латинский термин «реформа», может быть, не вполне адекватно выражает суть тех перемен, которые нам необходимы: этот термин предполагает изменение форм, тогда как в радикальном преобразовании нуждается само содержание учебных программ и учебного процесса.

Если говорить о реформе форм, то она уже началась: идет преобразование духовных семинарий в высшие учебные заведения, а академий — в магистратуры с двухлетним циклом обучения, создана Общецерковная аспирантура; предполагается существенное обогащение куррикулула духовных школ. Однако неясно, удастся ли при помощи этих нововведений существенно поднять уровень богословской науки и смогут ли улучшенные учебные программы обеспечить устранение недостатков принципиального характера, мешающих успешному развитию духовного образования.

Всякая реформа в православном понимании представляет собой не столько поиск новых форм, сколько возвращение к старым, проверенным веками традициям, на которых зиждется Православие. Реформа, в которой мы нуждаемся, не предполагает изобретения чего-то принципиально нового. Напротив, нам необходимо вернуться к древнему, забытому наследию богословского образования на христианском Востоке. Как мне представляется, знаменитые школы христианского Востока являлись носителями подлинного духовного образования, и нынешнее положение дел во многом является следствием отступления от принципов, заложенных в этих школах, но вытесненных впоследствии чуждыми Православию католическими и протестантскими влияниями. Может быть, суть требуемой реформы заключается в том, чтобы как можно дальше отойти от схоластических, средневековых подходов к учебному

процессу и вернуться к истинно православным традициям богословского образования.

Ни для кого не секрет, что нынешние духовные академии и семинарии по своему устройству полностью копируют латинские богословские школы Средневековья. Многие из присущих нашим духовным школам недостатков унаследованы ими от своей «праматери» — Киево-Могилянской академии, утроенной в XVII веке по образцу иезуитских школ того времени. В этой академии «весь план общего образования был снят с иезуитского образца... весь распорядок школьной жизни, все приемы и средства преподавания были те же, что и в коллегиях и академиях иностранных»¹. Несмотря на прошедшие с тех пор три с лишним столетия, несмотря на все произведенные реформы, коренные недостатки средневековой образовательной системы до сих пор до конца не устранены и не изжиты. И устранить их можно опираясь на опыт истинно православной духовной школы — той, что существовала на христианском Востоке задолго до появления там «латинообразных» богословских школ иезуитского образца.

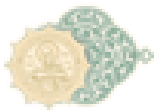
В настоящей работе я хотел бы рассказать о нескольких «духовных школах» раннехристианского Востока. В рамках одной статьи невозможно дать исчерпывающий анализ всех типов богословского образования, существовавших в христианской древности. Данная работа и не преследует подобную цель. Мне хотелось бы лишь обратить внимание на некоторые наиболее яркие примеры духовных школ в древневосточной Церкви и вместе с вами подумать о том, что из этого наследия христианской древности мы могли бы применить сегодня, реформируя наши богословские учебные заведения.

1. Апостольская община как «духовная школа»

Начнем с апостольской общины во главе с Иисусом Христом. Эта община была первой новозаветной школой, в которой ученики усваивали Божественное Откровение из уст Самого воплотившегося Бога Слова. Именно в усвоении этого опыта и состояло прежде всего ученичество апостолов Христовых. Как утверждает св. апостол Иоанн Богослов, в сообщении ученикам этого опыта и заключается, в конечном счете, основной смысл земного служения Логоса: *И от полноты Его все мы приняли и благодать на благодать, ибо закон дан чрез Моисея; благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа. Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил* (Ин. 1:16–18).

Таким образом, воплотившийся Сын Божий «изъяснил» («явил») людям Отца, стал первым «экзегетом» Бога. Во время Своего земного служения Христос учил апостолов и весь народ искусству быть «сынами

¹ Ср.: Флоровский Георгий, прот. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 51.

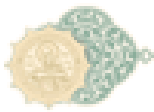
света» (Лк. 16:8; Ин. 12:36). Это — та истинная цель, на достижение которой и были направлены все усилия Спасителя.

Какими средствами Христос достигал этой цели и каковы были внешние формы Его учительства? Прежде всего следует сказать о том, что Христос Сам набирал Себе учеников, причем набирал их, так сказать, без «вступительных экзаменов»: *Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев, Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море; ибо они были рыболовы. И говорит им: идите за Мною... И они тотчас, оставивши сети, последовали за Ним. Оттуда идя далее, увидел Он других двух братьев, Иакова Зеведеева и Иоанна... и призвал их. И они тотчас, оставивши лодку и отца своего, последовали за Ним* (Мф. 4:18–22).

Ученики называли Иисуса Учителем и Господом, и Христос принимал это как должное: *Вы называете Меня Учителем и Господом, и правильно делаете, ибо Я точно то* (Ин. 13:13). Задачу учеников Он определял прежде всего как подражание Ему. Умыв ноги ученикам на Тайной вечере, Христос сказал им: *Если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу. Ибо Я дал вам пример, чтоб и вы делали то же, что Я* (Ин. 13:14–15).

Сознавая Свое учительское достоинство, Христос говорил: *Ученик не выше учителя, и слуга не выше господина своего: довольно для ученика, чтобы он был, как учитель его, и для слуги, чтобы он был, как господин его* (Мф. 10:24–25). В то же время Он подчеркивал, что Его ученик — это не «слуга» и не «раб» своего Учителя; это скорее Его друг и «сотанинник»: *Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам всё, что слышал от Отца Моего* (Ин. 15:15). Ученичество есть не что иное, как дружба с Учителем — глубокая дружба, при которой Учитель ничего не скрывает от учеников.

Отношение Христа к ученикам отличается от Его отношения к простому народу. Народ Он учит притчами, говорит людям не всё, что мог бы сказать ученикам, некоторые вещи скрывает от него. Ученикам же Он доверяет великие и сокровенные тайны Царствия Небесного: *И, приступивши, ученики сказали Ему: для чего притчами говоришь им? Он сказал им в ответ: для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано; ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится; а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет; потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют; и сбывается над ними пророчество Исаии, которое говорит: «слухом услышите — и не уразумеете; и глазами смотреть будете — и не увидите; ибо огрубело сердце людей сих и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами и не услышат*

ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их». Ваши же блаженны очи, что видят, и уши ваши, что слышат; ибо истинно говорю вам, что многие пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали (Мф. 13:10–17).

Надо отметить, что исторически апостольской общине предшествовали пророческие училища древнего Израиля, общины ессеев, общины, подобные ученикам Иоанна Крестителя. Внешне община учеников Христа имела много общего с этими общинами. На это указывает, в частности, лексика, к которой прибегают евангелисты, говоря о Христе как Учителе. Некоторые моменты евангельского повествования перекликаются с тем, что мы можем встретить в талмудической литературе, где, в частности, ученикам предписывается носить сандалии своего учителя², помогать учителю во всякого рода затруднениях, готовить его путь³, устраивать для него пасхальную вечерю, приводить осла и т.п. Всё это мы встречаем в апостольской общине. Однако в ней нет того безоговорочного, рабского послушания наставнику, которое, согласно Талмуду, было необходимо по отношению к раввину. Община апостолов везде следует за Учителем, при переправе через Тивериадское море апостолы дружно управляют судном, они сопровождают Христа в путешествиях, слушают, как Он учит народа, расспрашивают Его о смысле притч, но они всегда остаются, прежде всего, Его друзьями. Между Христом и апостолами нет той дистанции, которая в иудейской традиции отделяла учителя от учеников.

Несмотря на то что Евангелия называют Христа Учителем (Дидаскалом), Сам Христос противопоставляет Себя другим дидаскалам Своего времени. Когда Никодим, пришедший к Иисусу ночью, не может понять Его слов, Он называет его дидаскалом Израилевым: *Никодим сказал Ему в ответ: как это может быть? Иисус отвечал и сказал ему: ты — учитель Израилев, и этого ли не знаешь?* (Ин. 3:10). «Учителем Израилевым» в еврейской среде именовался обычно человек, который обучал пути Божию на основании Торы; иногда его именовали «учителем истины». Но Христос, обращаясь к апостолам, говорит: *Я есть путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня* (Ин. 14:6). Он не только учит правильному пути: Он Сам есть путь, по которому ученики должны идти.

Иисус Христос учил апостолов для того, чтобы они могли передать Его учение следующим поколениям людей. После Воскресения Он

² Слова Иоанна Крестителя (Мф. 3:11) имели очень конкретный смысл: Иоанн говорил о том, что он недостойн быть даже учеником Мессии.

³ Ср.: Мк. 1:3 (*Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему*); Мф. 21:8 (*Множество же народа постилали свои одежды по дороге, а другие резали ветви с деревьев и постилали по дороге*).

возложил на них учительскую миссию: *Идите, научите все народы... уча их соблюдать всё, что Я повелел вам* (Мф. 28:19–20). Для осуществления этой миссии им необходимо было содействие Святого Духа, Который, по обетованию Спасителя, должен научить их всему (Ин. 14:26). После того как в день Пятидесятницы на учеников нисходит Дух Святой (Деян. 2:1–4), они становятся в полном смысле слова апостолами и вступают на путь учительства. Подобно Иисусу, они начинают учить в храме, в синагогах, в частных домах (см. Деян. 5:21; 5:42; 13:14 и др.).

Преемство учения, переходящего из поколения в поколение, было неотъемлемой чертой всякой духовной школы. Иисус Христос как учитель был преемником ветхозаветных пророков и Иоанна Крестителя; преемниками Иисуса стали апостолы и первые поколения христианских «дидаскалов» — учителей, о которых упоминается уже в посланиях апостола Павла⁴. В задачу этих дидаскалов входило прежде всего научение вере оглашенных и новокрещенных; наряду с пастырями дидаскалы занимались евангелизацией и катехизацией членов молодых христианских общин⁵.

«Дидаскал, — пишет протопресвитер Николай Афанасьев, — обучал Церковь через раскрытие истин веры, содержащихся в Предании и в Писании. Если не все, то по большей своей части, дидаскалы — ученые богословы древней Церкви, представители богословской науки, которая служит Церкви... В противоположность языческим школам они открывали свои школы, где не только обучались оглашенные, но и верные, желающие познать Слово Божие»⁶.

Об этих школах, продолживших традицию, восходящую к Иисусу Христу и Его апостолам, и пойдет речь далее в настоящей статье.

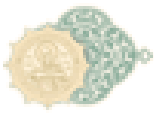
2. Христианская духовная школа эллинистического мира

Проповедь апостолов и их преемников стала почвой, на которой сформировались все духовные школы христианского Востока. По мере того как Церковь расширялась географически, христианские учителя сталкивались с культурными традициями, отличавшимися от той, в которой сформировалась апостольская община. Происходил сложный и временами болезненный процесс осмысления богооткровенной религии как пути ко спасению, не обусловленного рамками еврейской национальной традиции. Благовестие о Боге воплотившемся, распятом

⁴ См. Еф. 4:11: *И Он поставил одних апостолами, других пророками, иных евангелистами, иных пастырями и учителями (дидаскалами).*

⁵ См.: Словарь библейского богословия. Под редакцией К. Леон-Дюфура и др. Брюссель, 1990. С. 1194–1196.

⁶ Афанасьев Николай, прот. Церковь Духа Святого. Париж, 1971. С. 136.

и воскресшем долгое время оставалось «безумием» для эллинистического мира (ср. 1 Кор. 1:23), который должен был созреть для своей Пятидесятницы, найти свой подход к тайне Боговоплощения. Рожденное в ином культурном измерении, сознание эллинского мира требовало и иного педагогического подхода со стороны христианских дидакалов. Опыт апологетов показывал, как трудно было донести истины Откровения, научить опыту жизни во Христе античное общество. Эта задача была блестяще выполнена катехизическими школами Древнего мира, о которых и пойдет речь.

Нет оснований полагать, что возникновение огласительных училищ произошло внезапно. Оглашение являлось неотъемлемой частью духовной и литургической жизни Церкви. Так, например, община римских христиан, судя по археологическим⁷ и нарративным⁸ данным, имела обширный институт катехуменов, которые окормлялись епископами, пресвитерами и дидакалами. Во II веке в Риме уже действовала христианская богословская школа под руководством святого Иустина Философа.

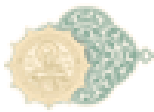
1) Александрийское огласительное училище II–III веков

Самым ярким и интересным явлением этого периода было Александрийское огласительное училище. Благодаря своему географическому положению Александрия стала центром стечения самых разнообразных культур, традиций и школ, обосновавшихся здесь задолго до появления христианства. Знаменитый Александрийский музей насчитывал около семисот тысяч книг, в числе которых были произведения античных философов, поэтов и врачей, многочисленные списки Септуагинты, зороастрийские книги, трактаты по вавилонской астрологии и многое другое. Вполне закономерно, что лучшая христианская духовная школа Древнего мира возникла и развилась на столь благоприятной почве. Огласительное училище неизменно сохраняло главную практическую цель, каковой являлись научение вере и подготовка к принятию крещения. Обучение, по всей видимости, ограничивалось «введением в христианство» с упором на чтение Священного Писания. Особенное внимание уделялось аскетической практике: богослужение и молитва чередовались с богословскими занятиями. В училище происходило постепенное воцерковление катехуменов, которые по окончании его принимали крещение и становились полноправными членами Церкви.

Однако уже во II веке, при Пантене и Клименте Александрийском, училище стало приобретать черты своего рода «христианского универ-

⁷ Ср. настенные изображения в римских катакомбах конца I – начала II вв.

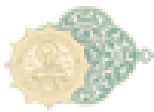
⁸ Ср. I Послание свт. Климента Римского.

ситета» с широким охватом учебных дисциплин⁹. Знаменитая трилогия Климента, его *opus magnum*, представляет собой не что иное, как «программу» огласительного училища Александрии. Основа «Протретики» («Увещения к эллинам») — лекции, подготовленные ректором для, условно говоря, «1-го курса» возглавлявшегося им училища, т.е. для тех представителей эллинистической традиции, которые заинтересовались христианством и готовились к крещению. «Педагог» представляет собой курс нравственного богословия, предназначенный, очевидно, для «2-го курса», т.е. для новокрещеных. Что же касается «Стромат», то они отражают сокровенный христианский гнозис: они предназначались для тех, кто стремился постичь возвышенное божественное знание. При такой гибкой и академически продуманной программе дидакал Александрийской школы был не только преподавателем богословия, но и в собственном смысле «детоводителем», духовным наставником своих учеников в вере и аскетической практике. Согласно Клименту, постижение божественных тайн неотделимо от спасения, поэтому христианское образование есть исполнение воли Божией, есть христианский подвиг веры.

Трилогия Климента дает ясное представление о том, какой курс наук преподавался им в Александрийском училище. На начальных этапах студенты знакомились с науками и искусствами, составляющими «мирскую мудрость», а также со всем многообразием античного философского наследия. Затем изучалось Священное Писание Ветхого Завета, причем упор делался на поиск параллелей между античной и ветхозаветной традицией. Наконец, изучались памятники христианской письменности, в частности, Евангелия и послания св. апостола Павла. Предметом изучения было и собственно церковное Предание, которое сравнива-

⁹ Существует гипотеза (основанная на свидетельстве историка V века Феодора Чтеца: см. Theodoros Anagnostes. Kirchengeschichte. Berlin, 1971. S. 160), согласно которой одним из ректоров Александрийского училища был Афинагор Афинский (II в.). Знаменитое «Прощение о христианах» Афинагора является опытом библейского богословия, будучи вместе с тем одним из наиболее ранних трудов по осмыслению христианской догматики: автор раскрывает учение Церкви по таким вопросам, как домостроительство воплотившегося Логоса, сотворение мира и человека, антропология, ангелология, еклесиология и сакраментология. В «Прощении» очевиден глубокий подход к проблемам христианской аскетики и нравственности: Афинагор выступает против аборт, поощряет девство, говорит о причинах стойкости христиан перед лицом гонений. Его стиль и манера изложения свидетельствуют о положительном отношении к эллинистической культуре: в тексте встречаются поговорки из «Илиады», цитируются «Одиссея», Гесиод, орфическая поэзия, Эсхил, псевдо-Софокл, Пиндар и Еврипид, автор знаком с герметической литературой, греческой историографией и, конечно же, античной философией. Доктрина этого апологета представляет собой интересный опыт адаптации достижений среднего платонизма к нуждам христианского богословия. Если Афинагор действительно был предшественником Пантена и Климента на посту ректора Александрийского училища, то именно ему, а не им может принадлежать основная роль в превращении этого училища в «христианский университет».

лось с «преданиями» еретиков. Климент обращал особое внимание на опровержение гностических учений: им противопоставлялся истинно христианский «гнозис».

Почему необходимо изучение светских наук и философии? Потому, отвечает Климент, что неученый человек не сможет ни отличить истину от лжи, ни должным образом защитить христианскую веру перед ее врагами: «Некоторые же полагают весьма разумным ни с диалектикой, ни с философией дела не иметь, ни естественных наук не изучать, но довольствоваться лишь простой и чистой верой. Но это всё равно, как если бы утверждали они, что никакого ухода за виноградной лозой не нужно, а достаточно лишь посадить ее, чтобы иметь потом гроздь... При уходе же за виноградной лозой... приходится пользоваться ножом, заступом и другими сельскохозяйственными орудиями... Подобным же образом свести всё к истинному учению может лишь человек основательно ученый. Для защиты веры от посятательств на нее он пользуется многим и из геометрии, и из музыки, и из грамматики, и из философии»¹⁰.

Так называемые подготовительные, или начальные науки, включающие в себя, в числе прочего, музыку, геометрию, грамматику и ораторское искусство, по мнению Климента, необходимы для восхождения на более высокую ступень, каковой является изучение философии¹¹. Подготовительные науки необходимы лишь постольку, поскольку они ведут к более глубокому познанию истины. Христианин, по мнению Климента, должен быть энциклопедически образованным, однако эта образованность не есть самоцель. Ученость надлежит поставить на службу христианству, нуждающемуся в защите от нападков внешних: «Насущным делом истинного мудреца является познание. Но уважение к познанию как таковому располагает его и к наукам подготовительным... ведь в каждой из них он отыскивает оружие, содействующее защите истины. Музыка своим обусловленным мерой ритмом и гармонией аккордов учит его согласию с самим собой. Арифметика... объясняет, что большая часть вещей и их связи подчинены числовым соответствиям. Углубляясь в геометрию... он, благодаря навыку в созерцании, привыкает к умопредставлению сплошного пространства и насущного, т.е. неизменного бытия, отличного от вещей земных. Астрономия возносит его ум за пределы земли... Но истинно мудрый не останавливается на этом. Он изучает также и диалектику... Именно она учит его проникать в сущность предметов... [Истинный мудрец] должен быть

¹⁰Строматы 1, 9. Здесь и далее «Строматы» Климента Александрийского цитируются (с незначительными изменениями) по изданию: Отцы и учителя Церкви III века. Антология. Составление, библиографические и библиографические статьи иеромонаха Илариона (Алфеева). Т. I. М., 1996. С. 30–299.

¹¹Строматы 1, 5.

знаком со всем кругом школьных наук и всей эллинской мудростью. Но сами по себе они не имеют для него никакого значения; он видит в них полезную и лишь по времени и обстоятельствам необходимую принадлежность жизни. В руках еретиков науки эти служат средством для распространения лжи и зла, в его же руках — орудием добра и истины»¹².

Климент придавал большое значение изучению философии. Он считал, что не следует противопоставлять философии христианскую веру. По его учению, «философия не отвращает от веры», напротив, «мы ограждаемся ею, как неким прочным оплотом, приобретая в ее лице своего рода союзника, вместе с которым утверждаем и свою веру»¹³. Согласно Клименту, «путь к истине один, но в него вливаются различные потоки, соединяясь в реку, текущую в вечность»¹⁴. Одним из таких потоков является древнегреческая философия, которая есть «приготовительное учение, пролагающее и выравнивающее путь ко Христу»¹⁵. Философия была дана эллинам как божественный дар, как «воплощенный образ (икона) истины»¹⁶; для эллинов она — такой же астоводитель ко Христу (Гал. 3:23–24), каким было для евреев Писание Ветхого Завета¹⁷. Сам термин «философия» употребляется Климентом в расширительном смысле: для него философия — не учение Платона, Эпикура или Аристотеля, но «то лучшее, что каждая из этих школ говорит о справедливости и благочестивом знании»¹⁸.

«Истинная философия», по Клименту, есть любовь к истине и стремление к познанию истинного Бога. Если у эллинов философия нередко вырождается в софистику, то для христиан она всегда остается путем к приобретению мудрости: «Философия есть поистине искусство правильной мудрости, дающее опыт в вещах жизненно важных; она — твердое познание того, что касается Бога и человека; некое прочное и непоколебимое обладание, скрепляющее воедино настоящее, прошедшее и будущее, — то, чему научил нас Сам Господь Своим пришествием или через пророков. Она неизменна как переданная от Сына... и как познанная через Него является всецело истинной. Она и вечна, и полезна для целей временных... Философами же мы называем тех, кто любит мудрость Творца и Учителя всех, то есть познание Сына Божия, а эллины — тех, кто состязается в словах о добродетели»¹⁹.

¹²Строматы 6, 10.

¹³Там же. 1, 2.

¹⁴Там же. 1, 5.

¹⁵Там же. 1, 5.

¹⁶Там же. 1, 2.

¹⁷Там же. 1, 5.

¹⁸Там же. 1, 7.

¹⁹Там же. 6, 7.

При всем уважении, которое испытывал Климент к философии, он понимал, что ее изучение является, в свою очередь, подготовительной ступенью к постижению истинной мудрости — христианского гнозиса. Поэтому после обзора античных философских систем Климент переходил к Священному Писанию Ветхого Завета: он рассказывал ученикам о его греческом переводе²⁰ и о его «авторе» — Моисее²¹. Далее следовал подробный разбор «параллелей» между Моисеем и Платоном: целью этого разбора было доказать, что Платон читал Моисея и многое заимствовал из Ветхого Завета²². Учение Ветхого Завета сравнивалось также с взглядами античных законодателей — Миноса, Ликурга и Солона²³. На следующих этапах изучения Священного Писания Климент обращался к опровержению гностических учений, попутно продолжая сравнивать античные концепции с ветхозаветными учениями.

Климент предлагал слушателям и курс «экзегетики» Священного Писания, касаясь таких ключевых экзегетических понятий, как библейский антропоморфизм, буквальное и аллегорическое толкование Писания²⁴. Вопросы нравственного богословия, составлявшие основную часть подготовительного курса («Педагог»), затрагиваются и на высших этапах обучения (нравственные увещания рассыпаны по всему корпусу «Стромат»). Мы не можем говорить о систематическом курсе «догматики» у Климента, однако несомненно, что на высших этапах обучения он знакомил учеников с основными «таинствами» христианской веры, такими как Предвечный Совет и Промысл Божий о спасении человечества²⁵, сошествие Христа во ад и проповедь Евангелия язычникам, умершим вне веры²⁶, и многие другие. Климент затрагивает и еклесиологическую проблематику²⁷. Вопросы мистического богословия также находят свое отражение в труде Климента: он говорит о видении Бога, к которому призваны христиане, об обожении человеческого естества²⁸. Характерно, однако, что у автора «Стромат» нет разделения богословия на «нравственное», «догматическое», «сравнительное» и т. д. Именно это, очевидно, понимается под «несистематическим» характером «Стромат», на который неоднократно обращали внимание исследователи.

²⁰Глава 22 книги 1-й «Стромат» посвящена этой теме.

²¹См. Строматы 1, 23–24.

²²Строматы 1, 25.

²³Там же. 1, 26–28.

²⁴См. Строматы 2, 16, и др.

²⁵Строматы 7, 2.

²⁶Там же. 6, 6.

²⁷См. Строматы 7, 17.

²⁸Строматы 7, 10.

Отсутствие у Климента четкого подразделения христианского богословия на различные области, на мой взгляд, связано с отсутствием такого деления в самом курсе наук, преподававшихся в Александрийском училище. У Климента, безусловно, была своя «система», которая, как я уже сказал, заключалась в последовательном переходе от низшего этапа к высшему: от «подготовительных наук» к философии, от философии к богословию. Но в подаче материала у Климента полностью отсутствует фрагментация, столь характерная для сегодняшней богословской школы. Христианская наука преподается Климентом как единое целое, не разделенное на те или иные области. И в этом, как мне представляется, не недостаток, но, напротив, великое достоинство того метода преподавания, который был характерен для Александрийской школы. Ученики усваивали христианскую доктрину в ее когерентности, прослеживая неразрывную связь между догматом, нравственностью, опытом молитвы и мистическим опытом.

Какую цель преследовала образовательная система, разработанная Климентом? Прежде всего, он хотел приобщить учеников к сокровищам истинного гнозиса, научить их мудрости, раскрыть перед ними тайны христианской веры. Но не меньшее значение имело духовно-нравственное воспитание учащихся: «Не природа, а обучение делает нас благими, подобно тому, как обучение создает врачей и моряков... Даже и важнейшие из добродетелей могут быть достигнуты людьми, природа которых противится истине, если их в том наставляют и если те наставления принимаются... Вложенные в нас искры добра раздуваются воспитанием; учение наставляет нас избирать добро и предпочитать его злу»²⁹.

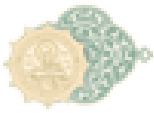
2) Ориген и его концепция духовной школы

Перейдем теперь к рассмотрению педагогической концепции Оригена, который был преемником Климента на посту ректора Александрийского училища, и при котором наступил кульминационный момент в истории духовного образования в Александрии. Роль Оригена в формировании образовательной концепции христианской Церкви трудно переоценить. Он разработал и осуществил новый метод преподавания, генетически связанный с традициями Климента Александрийского и его предшественников, но качественно отличающийся от всего, что существовало в христианской педагогике до него³⁰.

Будучи выдающимся мыслителем, Ориген понимал, что христианская мысль должна охватить все области человеческого знания, и чем глубже

²⁹ Строматы. 1, 6.

³⁰ Осуждение отдельных ошибочных мнений Оригена на V Вселенском Соборе не снижает его выдающейся роли в деле развития христианского богословия и духовного образования.

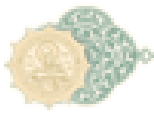

преображающий дух христианства проникнет во все сферы интеллектуальной жизни общества, тем громче зазвучит проповедь Христа в языческом мире. Пламенная любовь к учености и образованию соединялись у Оригена с глубокой духовной жизнью, аскетизмом и умственной широтой.

Ориген был богословом-систематиком, создавшим монументальный труд «О началах» — первое в истории христианства систематическое изложение догматов Церкви. Кроме того, он был крупнейшим в истории Церкви экзегетом Священного Писания, истолковавшим — с использованием традиционного для Александрии аллегорического метода — все книги Ветхого и Нового Заветов. Ориген положил начало тому, что впоследствии, много столетий спустя, выросло в отдельную отрасль библейской науки — так называемую «библейскую критику»: он подготовил первое известное истории научное издание Библии, в котором в шести параллельных столбцах были помещены различные греческие переводы Ветхого Завета (т.н. «Гекзаплы»). Ориген был великим церковным апологетом, автором знаменитого труда «Против Цельса», в котором христианская апологетика поднялась на новый, неведомый до Оригена уровень. Ориген был энциклопедически образованным человеком, владевшим всем арсеналом светской науки, в совершенстве изучившим античные философские системы. Наконец, Ориген был выдающимся духовным руководителем, оказавшим огромное духовно-нравственное влияние на своих современников.

Все эти уникальные качества Оригена не могли не отразиться на его преподавательском методе. В своей преподавательской деятельности Ориген ставил на первое место толкование Священного Писания и изучение христианских догматов. Однако прежде чем переходить к чтению и толкованию Библии, он предлагал слушателям подготовительный курс, включавший в себя диалектику, физику, математику, астрономию и геометрию; затем изучались философия и богословие. В этом Ориген следовал своим предшественникам на посту ректора Александрийского училища. Уважение к античной учености царило в Александрийском училище еще со времени Пантена и Климента, и Ориген стремился поддерживать этот дух. Когда по причине увеличения числа слушателей Ориген перестал справляться с объемом преподавательской работы, он поручил ведение подготовительного курса своему ученику Ираклу, впоследствии епископу Александрийскому, а сам сосредоточился на преподавании богословия и Священного Писания.

После того как Ориген был вынужден покинуть Александрию, он перебрался в Кесарию Палестинскую, где основал школу по образцу Александрийского огласительного училища. Курс обучения в Кесарии был примерно таким же, как и в Александрии. До нас дошло уникальное

свидетельство священномученика Григория Неокесарийского, прочитавшего у Оригена в течение пяти лет и в своем «Похвальном слове Оригену» рассказавшего о том, как проходило его богословское и духовное формирование под руководством великого александрийского дидакала.

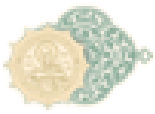
Вот что говорит святой Григорий о курсе наук, преподававшихся в Кесарийском училище Оригеном: «Он стремился возбудить и развить не только эту [высшую] сторону моей души, правильная постановка которой принадлежит одной только диалектике, но также и низшую часть души: я был изумлен величием и чудесами, а также разнообразным и премудрым устройством мира, и я дивился, хотя и без разуме-ния, и совершенно поражен был глубоким благоговением, но, подобно неразумным животным, не умел ничего объяснить; так он возбуждал и развивал во мне эту способность другими отраслями знаний, именно посредством естественных наук он объяснял и исследовал каждый предмет в отдельности... до тех пор, пока... не вложил в наши души вместо неразумного разумное удивление священным устройством вселенной и безукоризненным устройством природы. Этому возвышенному и божественному знанию научает возлюбленнейшая для всех физиология. Что же я должен сказать о священных науках — всем любезной и бесспорной геометрии и парящей в высотах астрономии?.. Он через обе эти названные науки, как бы посредством лестницы, возвышающейся до небес, делал для меня доступным небо»³¹.

Таким образом, Ориген сохранял те же предметы, что преподавались до него Климентом Александрийским, однако каждый отдельный аспект той или иной науки был представлен шире и полнее. Изучалась не только философия, диалектика и логика, но и космология, а также физиология (в античном смысле этого слова), что давало возможность учащимся приобретать энциклопедическую образованность, знакомиться с самыми разными областями человеческого знания.

По свидетельству святого Григория, Ориген уделял особое внимание изучению античной философии и литературы: «Он требовал, чтобы мы занимались философией, собирая по мере сил все имеющиеся произведения древних философов и поэтов, не исключая и не отвергая ничего... кроме всех произведений безбожников... Такие произведения непристойно и читать, чтобы случайно не осквернилась моя душа...»³². Со всеми же остальными произведениями я должен был знакомиться

³¹Григорий Неокесарийский, священномуч. Благодарственная речь Оригену, 109–114. С. 179. Здесь и далее «Благодарственная речь» св. Григория цитируется (с незначительными изменениями) по изданию: Отцы и учителя Церкви III века. Антология. Составление, биографические и библиографические статьи иеромонаха Илариона (Алфеева). М., 1996. Т. 2. С. 165–191.

³²Весьма важная деталь: Ориген считал допустимым знакомиться с какой угодно литературой, кроме атеистической, которая «оскверняет душу».

и заниматься ими... Для меня не было ничего запретного, ибо не было ничего сокровенного и недоступного; но я мог изучить всякое учение — и варварское и эллинское, и относящееся к таинствам [христианской веры] и [из области] политики, и о божественном и о человеческом — с полным дерзновением мог изучать и исследовать всё...»³³

Как утверждает святой Григорий, в школе Оригена последовательно изучались все известные системы греческих философов. Однако лекции его были построены таким образом, чтобы показать взаимную противоречивость философских доктрин: «Не вводил ли он меня в эту борьбу учений и противоречия философов друг другу и их разделения, из которых одни противостоят учениям других, одни держатся одного, другие — другого, одни соглашаются на одно, другие — на другое; и все имеют желание заниматься философией и объявляют об этом с того времени, как только впервые обратились к ней?...»³⁴

Вводя учеников во всё многообразие античного философского наследия, Ориген учил их ориентироваться в нем, отличать белое от черного, истинное от ошибочного. Ориген не просто представлял учащимся те или иные античные учения, он интерпретировал их в христианском духе, применял к ним критерий соответствия христианскому благовестию: «Чтобы и мне не потерпеть того же, что случилось со многими, он не вводил меня в какое-либо одно из философских учений и не внушал примыкать к ним, но приводил меня ко всем, не желая, чтобы я была несведущ в каком-нибудь эллинском учении. Но он и сам шел вместе со мною впереди меня и вел меня за руку, как бы во время путешествия, на тот случай, если встретится на пути что-нибудь неровное, потайное или коварное... Он собирал всё, что у каждого философа было полезного и истинного, и предлагал мне, а что было ложно, выделяя, как другое, так в особенности то, что по отношению к благочестию было собственным делом людей»³⁵.

Ориген старался привить своим ученикам вкус к диалектике, к четкости и упорядоченности мысли: «Ибо многообразна эта часть философии (т. е. диалектика), приучающая не безрассудно и не как случится то соглашаться на доказательства, то отклонять их, но точно исследовать...»³⁶

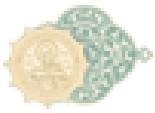
Исключительное внимание уделялось в школе Оригена изучению книг Священного Писания. Если преподавание других предметов Ориген мог поручить кому-либо из своих учеников, то библейскую экзегетику он оставлял для себя. В описании святого Григория Ориген пред-

³³Григорий Неокесарийский, священномуч. Благодарственная речь Оригену, 151–153. С. 184.

³⁴Там же. 158. С. 185.

³⁵Там же, 170–173. С. 186–187.

³⁶Григорий Неокесарийский, священномуч. Благодарственная речь Оригену. 102. С. 178.

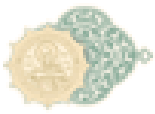

стает как экзегет, от чьего пронизательного духовного взора не могло укрыться никакое самое сокровенное речение Священного Писания. Григорий называет Оригена «слушателем» Божественного Логоса, через которого Сам Логос открывал истину ученикам. Именно через призму Оригеновых толкований ученики Кесарийской школы постигали смысл книг Ветхого и Нового Заветов: «Он сам истолковывал пророческие вещания и изъяснял то, что было темным и загадочным, какого много в священных изречениях... Он прояснял и выводил на свет, встречалось ли что-нибудь загадочное, потому что он был способным и в высшей степени пронизательным слушателем Божиим... [и] потому что Первовиновник всех этих изречений, Который вещал... пророкам и внушал все пророчества и таинственные и божественные речи, так почитал его, как друга, и поставил истолкователем их. Что Он через других сообщал только в неясных намеках, то чрез сего мужа сделал предметом обучения... Этот величайший дар имеет от Бога сей муж, получивший с неба и превосходнейший жребий быть истолкователем божественных слов людям, воспринимать божественное как бы из уст Божиих и изъяснять людям, как это доступно для человеческого слуха»³⁷.

Особенно драгоценны для нас свидетельства о преподавательском методе Оригена, сохраненные святым Григорием. Важнейшей заботой великого дидакста было привить ученикам вкус к самостоятельному осмыслению изучаемого материала. Ориген прекрасно понимал, что его задачей является не преподавать учащимся некую сумму знаний, но научить их самих отвечать на вопросы, возникающие в процессе изучения той или иной науки. Подобно другому великому педагогу, Сократу, Ориген не давал ученикам готовые ответы на вопросы, но убеждал каждого ученика доказательствами из его же собственных уст: «Терния и волчцы и всякий род диких трав и растений — сколько их в изобилии произрастила моя беспокойная душа, так как она была неупорядочена и нерассудительна, — всё это он обрезывал и удалял своими изобличениями и запрещениями. Он нападал на меня и особенно своим сократическим способом доказательства иногда повергал меня на землю, если видел, что я, как дикая лошадь, совершенно сбрасывал узду, выскакивал на дорогу и часто бесцельно бегал кругом, пока убеждением и как бы принудительной силой — доказательством из моих собственных уст — как уздой, снова делал меня спокойным. Сначала мне было тяжело и небезболезненно, когда он приводил свои доказательства, так как я не привык еще к этому и не упражнялся в том, чтобы подчиняться доводам разума; но вместе с тем он и очищал меня»³⁸.

³⁷Григорий Неокесарийский, священномуч. Благодарственная речь Оригену, 174–181. С. 187–188.

³⁸Там же, 96–98. С. 177.

Воспитывая учеников и будучи их наставником не только в науках, но и в духовной жизни, Ориген, как мы видим, был неутомим ко всему тому, что препятствовало юной душе познать плоды истины. Не следует думать, что ученики Оригена обладали необыкновенными способностями или что они все отличались равным благочестием. Многие ученики требовали от Оригена больших педагогических усилий, терпения и вдумчивого подхода. Как можно предположить, сам святой Григорий был одним из таких «трудных» учеников, с которым Оригену все же удалось справиться: «Он овладел мною и со свойственным ему искусством как бы земледельца осмотрел и проник не только в то, что видимо всем и усматривается на поверхности, но глубоко вскопал и исследовал самые внутренние основания, ставя вопросы, предлагая [на разрешение] и выслушивая мои ответы; когда он усматривал во мне что-либо не непригодное, бесполезное и не исключающее надежды на успех, он начинал вскапывать, перепахивать, поливать, всё приводил в движение, прилагал всё свое искусство и заботливость»³⁹.

Ориген покорял сердца своих учеников не интеллектуальным превосходством, но искренним словом христианской проповеди и глубоким благочестием: «Он стремился не просто одолеть меня своими доводами, но благоприятным, человеколюбивым и благородным расположением спасти и сделать причастником как тех благ, которые проистекают из философии, так и других, особенно тех, которые Божество даровало ему одному превыше многих, или, может быть, превыше и всех нынешних людей...»⁴⁰

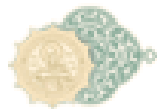
Между Оригеном и его слушателями не было той дистанции, которая нередко отделяет учителя от учеников. Несмотря на свое высокое положение, Ориген не обращался с учениками, как начальник с подчиненными, не унижал их и не старался во что бы то ни стало добиться беспрекословного послушания. Учителя и учеников в школе Оригена скрепляла глубокая и искренняя дружба. Святой Григорий свидетельствует: «Он поразил меня и жалом дружбы, с которым нелегко бороться, острым и сильно действующим, — жалом умелого обращения и доброго расположения, которое, как благожелательное ко мне, обнаруживалось в самом тоне его голоса, когда он обращался ко мне и беседовал со мною»⁴¹.

Как пишет святой Григорий, Ориген научил его самому главному — любви к Богу. Именно на этой любви, как на прочном основании, были построены отношения учеников с учителем: «Подобно искре, попавшей в самую душу мою, возгорелась и воспламенилась моя любовь как к священному, достойнейшему любви самому Слову, Которое в силу

³⁹ Григорий Неокесарийский, священномуч. Благодарственная речь Оригену, 95–96. С. 177.

⁴⁰ Там же, 81–82. С. 175.

⁴¹ Там же, 81. С. 175.

Своей неизреченной красоты привлекательнее всего, так и к сему мужу, Его другу и глашатаю»⁴².

Панегирик, написанный священномучеником Григорием Неокесарийским, мог бы показаться идеализацией образа его учителя, если бы не та искренность и автобиографичность, которая отличает это произведение от многих сочинений подобного рода. Святой Григорий оставил за кадром те негативные стороны школьной жизни, которые могли иметь место и которые почти неизбежны в любом учебном заведении. Мы не знаем о школе Оригена того, что знаем, например, о Нисибийской школе, о которой речь пойдет ниже, благодаря дисциплинарным правилам этой школы, дошедшим до нас.

От огласительных училищ II–III веков не осталось дисциплинарных правил, но остались литературные памятники, которые с несомненной достоверностью говорят нам о том, что эти училища были выдающимися центрами духовной культуры, где преподавали великие дидаскалы (такие как Климент и Ориген), откуда выходили выдающиеся ученики (такие как святой Григорий Неокесарийский), где учащиеся получали энциклопедические знания и при этом становились глубоко церковными людьми. В огласительных училищах II–III веков наука была неотделима от благочестия, богословское образование — от духовного воспитания. В этом их несомненная заслуга перед христианской Церковью.

Продолжение следует

⁴² Там же, 83. С. 175.

Труды Киевской Духовной Академии